

— Я в порядке.

Е Чжэньтин бросил взгляд на лежащие на диване документы:

— Делами компании пусть занимаются подчиненные, в последнее время тебе всё же стоит больше отдыхать.

Бай Цзин с некоторым беспокойством посмотрела на Е Ицин:

— Именно, Цин-эр, нужно беречь здоровье. Хочешь, я вечером приготовлю что-нибудь питательное и привезу вам с Сяо Яном?

— Не нужно, — Е Ицин ответила почти без раздумий. — Тетушка Чжан приготовит и принесет.

Е Чжэньтин и Бай Цзин пробыли недолго, и Е Ицин велела им возвращаться, сказав, что ничего серьезного не произошло и дальше нужно просто как следует отдохнуть и набраться сил.

Е Цинъян никак не могла понять, почему матушка всегда так холодно относится к дедушке с бабушкой, пожалуй, даже чужие люди удостаивались куда более теплого приема.

Сколько Е Цинъян себя помнила, Бай Цзин искренне любила Е Ицин, а Е Чжэньтин, хоть и казался суровым, в самых разных мелочах проявлял отцовскую заботу. Ей еще ни разу не доводилось видеть, чтобы они из-за чего-то ссорились — если не считать истории со смотринами, но даже из-за этого едва ли стоило выстраивать такую стену.

Е Цинъян очень хотела обо всем расспросить, но по какой-то причине чувствовала: об этом нельзя даже спрашивать, не то что заводить разговор.

— На что уставилась? Живо спать!

Когда Е Цинъян проснулась, солнце уже клонилось к закату.

Из-за непрекращающейся тупой боли в ране сон ее был беспокойным. Вдруг она услышала приглушенные голоса, причем говорил мужчина. Повернув голову, она к своему удивлению увидела Цзян Юнцзюня.

— Сяо Ян проснулась.

Девочка кивнула, ничего не отвечая, но ее глаза в упор уставились на небольшой зазор между Цзян Юнцзюнем и Е Ицин. Нельзя ли было сесть чуточку дальше от матушки!

Правда, диван был невелик, и как ни садись на самый край, Млечный Путь между ними не проляжешь.

— Проголодалась? Чего бы тебе хотелось, я попрошу, чтобы принесли еды.

— Не нужно, скоро придет Тетушка Чжан, — холодно произнесла Е Ицин.

Цзян Юнцзюнь неловко усмехнулся:

— Вот и хорошо.

Видя, что он продолжает сидеть на месте, Е Цинъян так и подмывало рывкнуть: чего же ты не

уходишь, ужина на тебя точно не припасено! Просто невыносимо, до чего же он ее бесил.

— Не вертись, лежи спокойно! — мягко отчитала ее Е Ицин.

Е Цинъян оборвала движение, пытаясь приподняться, и робко пролепетала:

— Я... я в туалет хочу.

— ...

— Я помогу тебе.

Цзян Юнцзюнь выдал такое заявление, от которого Е Цинъян чуть не закатила глаза и не скончалась на месте.

— Не нужно, я сама справлюсь.

Черт побери, неужели он понятия не имеет, что мужчине и женщине не положено сближаться? И собирается тащиться за ней в женскую уборную? Если ему плевать на приличия, то ей — ни капельки! К тому же, с какой стати он собрался ее носить, в конце концов, это же ее первое в жизни девичье объятие!

Чем больше Е Цинъян размышляла об этом, тем сильнее ей хотелось закатить глаза. В груди поднималось странное удушливое раздражение, и, позабыв о предостережении Е Ицин, она снова заерзала, собираясь встать.

— Не двигайся!

Над умом внезапно раздался ледяной голос Е Ицин. Е Цинъян даже не успела поднять голову, как ее тело оторвало от кровати, и она полностью оцепенела.

Матушка на самом деле взяла ее на руки! О небеса, да это же был перенос на руках словно невесту! Разве подобные подвиги не по ее части?..

Лицо помимо воли вспыхнуло ярким, неконтролируемым румянцем.

Оказавшись вновь на мягкой постели, Е Цинъян не удержалась от глубокого вздоха: этот поход в туалет стал поистине тяжким испытанием для тела и души!

— Отчего у тебя такое красное лицо? Плохо себя чувствуешь? — неожиданно поинтересовалась Е Ицин.

Е Цинъян резко вернулась в реальность:

— А? Нет, я в полном порядке.

— Иначе я позову врача, пусть осмотрит, — произнес Цзян Юнцзюнь, поднимаясь с дивана и намереваясь выйти.

Е Цинъян мысленно вздохнула:

— Не нужно, правда, всё хорошо.

Е Ицин еще раз окинула взглядом неестественно покрасневшееся лицо дочери и протянула

руку ко лбу девочки. Жара не было. Бросив на нее подозрительный взгляд, она подумала: ладно уж, эта проказница вечно чудит, кто знает, что опять на уме у этого ребенка.

Опустив руку, Е Ицин повернулась к Цзян Юнцзюню, сидевшему на диване:

— Здесь больше нечего делать, иди домой.

Цзян Юнцзюнь смущенно поднялся:

— Тогда я пойду, а завтра снова навещу Сяо Ян.

Е Цинъян так и подмывало ответить, что приходить не стоит: на словах он проведать ее, да только кто же не знает, что дело тут совсем не в ней.

— Ты и сам занят на работе, незачем сюда ездить.

Сейчас Е Цинъян была готова от всего сердца заключить Е Ицин в объятия.

— Э-э... ничего подобного, сейчас в компании не так уж много забот.

— ...

Е Ицин больше ничего не сказала. Цзян Юнцзюню тоже оставалось только уйти, пожелав Е Цинъян хорошенько отдохнуть.

Стоило Цзян Юнцзюню переступить порог, как появилась Тетушка Чжан. Опоздай она еще немного, и желудок Е Цинъян, пожалуй, совсем бы ссохся — от всяких там кашек насыщения никакого. Однако, когда Е Цинъян увидела кашу, которую принесла Тетушка Чжан, ее лицо мгновенно вытянулось. Она действительно оказалась донельзя экологичной и полезной: сверху плавали лишь листочки зелени, а о малейшем намеке на мясо не было и речи.

Е Цинъян так и подмывало горько расплакаться перед Тетушкой Чжан: почему они во всем слушают мамочку? Неужели ее слова совсем ничего не значат? У-у-у.

Но, ради того что мамочка покормит ее сама, придется это стерпеть.

Кто бы мог подумать, что прозвучит:

— Тетушка Чжан, покорми ее ты, а я отлучусь ненадолго.

Это было сродни grosu среди ясного неба. Е Цинъян ошеломленно смотрела, как закрывается дверь палаты, и в ней внезапно всколыхнулось желание разрыдаться. Так нечестно!

Е Цинъян ела кашу с ложки Тетушки Чжан, но, сделав всего несколько глотков, почувствовала, что аппетит пропал. Через окно она посмотрела на больничные ворота: оттуда медленно выезжал серебристо-белый Порше. Куда это собралась мамочка?

Е Цинъян все провожала взглядом машину Е Ицин, пока ту не заслонил черный седан, ехавший сзади. Лишь когда автомобиль скрылся из виду, она отвела взгляд.

Наступила суббота. Ровно в девять утра в больницу пожаловали Си Цин и Линь Му — оставалось только гадать, откуда они вообще узнали.

Когда они добрались до палаты Е Цинъян, та уже спала, и никого больше в комнате не было.

— Почему она тут совсем одна? — тихонько произнес Линь Му.

Си Цин, глядя на слегка побледневшее лицо Е Цинъян, ничего не ответила.

Вскоре послышался звук открывающейся двери. Оба одновременно повернули головы и увидели входящую Е Ицин со смартфоном в руке.

Е Ицин только что выходила на звонок, а вернувшись, столкнулась с Си Цин и Линь Му. Она их помнила, поэтому никакой бурной реакции у нее не возникло.

Но вот Си Цин и Линь Му отреагировали совершенно иначе. Они понятия не имели, что Е Ицин — мама Е Цинъян, и все это время считали таковой Тетушку Чжан.

Особенно Си Цин: узнав в Е Ицин ту самую женщину на спортивной машине, она тут же посмотрела на нее с заметной враждебностью.

Е Ицин тоже это заметила. Сначала она немного удивилась, но, чуть-чуть подумав, все поняла: эта девчонка наверняка решила, будто она положила глаз на этого сорванца Е Цинъян.

Бросив мимолетный взгляд на спящую на кровати Е Цинъян, Е Ицин мысленно тяжело вздохнула. И о чем только думает эта девчонка? Сколько лет ей самой и сколько этому пацану — с чего бы ей вдруг влюбиться в какого-то малолетку!

Видя, что оба так и стоят на месте, Е Ицин произнесла:

— Садитесь.

Взгляд Си Цин неотступно следовал за Е Ицин, сама же она не сдвинулась с места, зато Линь Му послушно присел.

— Эм-м, скажите, с-сестра...

Не успел Линь Му договорить, как Е Ицин перебила его:

— Тетя.

Е Цинъян называет ее мамочкой, а он — сестрой. Разве не путаница получается?

Эм... Линь Му смутился, чувствуя, как у него потели ладони. Какая же мощная аура у этой тети!

Линь Му колебался, стоит ли снова заговорить, но Си Цин прямо и без обиняков выпалила:

— Вы кто?

Е Ицин, сидевшая у кровати, бросила на нее взгляд, а затем повернулась и поправила одеяло на Е Цинъян.

Как раз в этот момент Е Цинъян проснулась. Увидев Е Ицин, она тут же расплылась в улыбке, похожей на распутившийся цветок, и звонко позвала:

— Мамочка!

Линь Му и Си Цин окаменели прямо на месте!

И в очередной раз Е Ицин бросила Е Цинъян.

Глядя, как Е Ицин исчезает за дверью палаты, Е Цинъян ощутила легкую обиду. Она вовсе не была бессердечной и не ценила чужую заботу — просто в таком случае Е Ицин бы ушла.

Точно так же, как и только что, когда Е Ицин сказала: «Тогда пусть они побудут с тобой немного, а я съезжу в офис», — и ушла.

— Цинъян, та женщина и правда твоя мамочка? — Линь Му до сих пор до конца не верил своим ушам.

Е Цинъян закатила глаза:

— А то выдумывать стану!

— Да нет, просто твоя мамочка выглядит так... так молодо! — Линь Му от удивления слегка затормозил.

Е Цинъян одарила его презрительным взглядом:

— Что значит «выглядит»?! Моя мамочка и есть очень молодая, ей даже тридцати нет!

— Т-тогда... — Линь Му уже начал путаться в словах.

Глядя на него, Е Цинъян и сама за него забеспокоилась:

— Я не родная дочь своей мамочки.

Линь Му мгновенно прозрел. Е Цинъян, тяжело вздохнув, повернулась к Си Цин и заметила, что та стоит с крайне озадаченным выражением лица, погруженная в какие-то глубокие мысли.

— Цинъэр?

— ...

— Цинъэр!

— А? — Си Цин резко очнулась. — Что такое?

— Ты о чем таком задумалась, да так отрешенно? — Е Цинъян окончательно убедилась, что нормальных среди этой парочки нет!

Стоило Си Цин вспомнить, как она только что смотрела на Е Ицин — мало того что не поздоровалась из вежливости, так еще и задала вопрос в подобном тоне, — как ее внутренности скрутило от жгучего стыда. Какой позор!

— Цинъян, та женщина правда твоя мамочка?

— ...

Ладно, всё, что она только что объясняла Линь Му, улетело в трубу. Е Цинъян была готова впору кровью от злости харкнуть. Бредбери — ценнее жемчуга, она и есть моя мамочка.

Произнося последние два слова, Е Цинъян вдруг погрузилась в какое-то странное оцепенение. Когда-то больше всего на свете она радовалась тому, что ее мамочкой была Е Ицин. Но теперь она сильнее всего желала лишь одного: как было бы прекрасно, если бы Е Ицин ей мамочкой не приходилась.

Она ошеломленно повернула голову и посмотрела в окно. Серебристо-белый порше ярко сиял в лучах солнца. Проводив его взглядом до выезда за больничные ворота, она увидела, как он повернул налево, постепенно набирая скорость, а затем ее поле зрения вновь загородили.

Черный легковой автомобиль. Черный... В голове вдруг что-то мелькнуло: эта машина, вчера ведь была точно такая же машина...

На красный свет светофора.

Е Ицин крепко сжимала руль, с бесстрастным выражением лица глядя вперед.

Внезапно сзади раздался резкий гудок. Е Ицин слегка нахмурилась и бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Как раз в этот момент загорелся зеленый свет; она уверенно тронулась с места, слегка надавила на газ и вырвалась вперед.

Проехав совсем немного, Е Ицин вдруг начала набирать скорость, причем ехала она уже вовсе не в сторону офиса.

Е Ицин нахмуренно смотрела в зеркало заднего вида: черная инфинити, ехавшая следом с левой стороны, неотступно следовала за ней еще от светофора. Стоило ей сбросить скорость — тормозил и преследователь, стоило прибавить газу — он тут же ускорился следом.

Скорость продолжала расти, неумолимо приближаясь к отметке ограничения. Е Ицин то и дело бросала короткие взгляды в зеркало заднего вида, а в ее голове на предельной скорости крутились мысли: кому же понадобилось посылать за ней хвост?

Мужчине за рулем черной инфинити было около тридцати, волосы коротко острижены под ёжик, на носу — черные солнцезащитные очки. Е Ицин могла с уверенностью сказать, что раньше этого человека никогда не видела. Единственным возможным объяснением оставалось то, что он действовал по чьему-то приказу.

Посмотрев на впереди лежащую развилку и бросив еще один взгляд назад, она резко вдавила по тормозам. Убедившись, что инфинити подобралась вплотную, Е Ицин вдруг резко вывернула руль вправо.

Заметив в зеркало заднего вида, как черная инфинити промчалась прямо вперед, уголки губ Е Ицин чуть дрогнули в усмешке. Сменив направление, она вновь плавно повела машину: проехать через один переулочек впереди, свернуть налево, а затем еще минут двадцать пути — и она на месте, в компании.

Но стоило ее машине почти выехать из переулка, как откуда ни возьмись выскочил черный автомобиль и наглухо перегородил выезд. Е Ицин резко нажала на тормоз, шины издали противный визг о дорожное покрытие, и машина замерла на месте.

Е Ицин крепко сжала губы, глядя на мужчину на водительском сиденье. Тот тоже смотрел на нее, слегка склонив голову, а уголки его рта изогнулись в издевательской усмешке.

На лице Е Ицин не было и тени паники — она лишь ледяным взглядом сверлила его. Ее правая рука бесшумно легла на рычаг переключения передач, четким движением включив заднюю скорость. Машина тут же резко сдала назад, а улыбка на лице мужчины мгновенно сменилась презрительной ухмылкой. Вывернув руль вправо и до упора вдавив педаль газа, он напрямую понесся на Е Ицин.

Переулок был очень узким, в нем едва мог разъехаться один автомобиль, а машина мужчины мчалась на нее с безумным, смертельным упорством — у Е Ицин не было ни малейшей возможности уклониться.

Ха, попытаться заставить ее покориться — просто несбыточные фантазии. Не сводя глаз с неумолимо приближающейся инфинити, Е Ицин хладнокровно нажала на газ, и машина

остановилась с резким скрежетом.

Мужчина же ни капли не удивился, вместо этого жутковато ухмыльнувшись. Вместо того чтобы притормозить, он с ходу переключил передачу на пятую и втопил педаль газа в пол.

— Бам!

— Ох! — Е Ицин обеими руками судорожно вцепилась в одеяло и шумно втянула воздух.

Оглядев знакомую, но в то же время чуждую обстановку комнаты, Е Ицин вспомнила, что находится в больнице. Фух, пронесло... Оказывается, это был всего лишь сон, который едва до смерти ее не напугал. Лоб до сих пор покрывал холодный пот.

Она осторожно повернула голову в сторону соседней кровати: чистый лунный свет мягко пал сквозь окно на безупречное лицо Е Ицин, делая ее почти нереальной, сказочной. Но стоило вспомнить сцену из только что приснившегося кошмара, как Е Цинъян вновь поморщилась: судя по характеру мамочки, она вполне способна была поступить именно так.

На самом деле, после возвращения Е Ицин, Е Цинъян уже пыталась вывести всё окольными путями, но результат...

Е Цинъян поколебалась с мгновение, а затем заговорила:

— Мамочка, когда ты возвращалась в компанию... дорога прошла гладко?

Е Ицин даже бровью не повела, полностью проигнорировав ее вопрос.

Е Цинъян почувствовала себя неловко: неужели обязательно было так демонстративно ее игнорировать?

— А, я имела в виду, не было ли по дороге каких-нибудь пробок? Смотрю, мамочка, тебя не было довольно долго.

— ...

Е Ицин наконец соизволила хоть как-то отреагировать. Только вот почему ее взгляд был до такой степени пугающим? Поездка туда и обратно на машине занимает около двадцати минут, на дорогу в оба конца уйдет как минимум минут сорок. Она вернулась через час — разве это долго?!

От такого взгляда Е Цинъян даже слегка задрожала внутри. Она торопливо отвела взгляд в сторону окна: видимо, добиться от мамы каких-то ответов не получится.

То черное авто действительно преследовало маму или ей просто всё мерещится? А те глаза у двери палаты — чьи они? Неужели это был тот же человек?

Если всё это правда, зачем кому-то следить за мамой? Хотят отомстить? Или это просто безумный маньяк-сталкер? И что ей теперь делать? Глядя на спящую женщину, она думала о том, как защитить маму от любой опасности...

Потом в течение нескольких дней Е Цинъян каждый день следила за дверью палаты, но те глаза больше не появлялись — словно их и вовсе никогда не было. Когда Е Ицин уходила, Е Цинъян тоже ужасно напрягалась, почти не моргая уставившись на вход в больницу. Но сколько бы она ни всматривалась, пока из глаз не начинали течь слезы, машины Е Ицин уже было не видеть, да и никаких подозрительных черных седанов тоже не обнаруживалось.

Всё это казалось каким-то сном, из которого Е Цинъян никак не могла выйти. Постепенно она стала сомневаться, не привиделось ли ей всё наяву, приняв сон за чистую правду, и оттого начала во всем подозревать подвох.

Поняв это, Е Цинъян на какое-то время сильно пала духом, почти перестала разговаривать и просто отрешенно глядела в окно. Сначала Е Ицин не придавала этому особого значения, ей просто казалось это странным, но вскоре она почувствовала, что что-то здесь не так.

На вопрос Е Ицин Е Цинъян ответила лишь, что просто немного устала. Е Ицин больше ничего не сказала и вышла. Е Цинъян смотрела ей вслед, и почему-то у нее внезапно возникло непреодолимое желание заплакать — совершенно беспричинно.

Вот только следующее зрелище и правда заставило Е Цинъян едва ли не реветь. Прошло совсем немного времени, как она увидела возвращающуюся Е Ицин, за которой шел мужчина в белом халате — Е Цинъян знала его, это был ее лечащий врач.

Е Цинъян еще не успела толком сообразить, в чем дело, как из-за спины доктора внезапно вынырнули две медсестры. Ничего не объясняя, они подошли к постели с двух сторон, что-то похихичили и тут же покатали ее к выходу.

— Вы... вы что делаете? — встревожилась Е Цинъян.

Лечащий врач приветливо улыбнулся:

— Ничего страшного, просто проведем небольшой осмотр.

— ...Осмотр? Какой еще осмотр?

Врач ответил:

— Самый обычный плановый осмотр.

Е Цинъян терпеть не могла, когда с ней вот так возились, как с куклой:

— Не хочу! Я прекрасно себя чувствую, с чего вдруг внезапно понадобился осмотр? Доктор, вам что, заняться не...

— Еще хоть одно слово, — холодно бросила Е Ицин.

Е Цинъян тут же прикусила язык и послушно позволила медсестрам вывезти ее из палаты.

Спустя час.

Е Цинъян снова доставили в палату. При виде лечащего врача из ее глаз едва не искры сыпались, однако, стоило ей перехватить взгляд Е Ицин, как она мгновенно превратилась в обиженную овечку.

Врач с улыбкой обратился к Е Ицин:

— Ха-ха, ничего страшного. Наверное, оттого, что долго лежала в постели, вот и приуныла немного. Дети ведь есть дети, они все очень подвижные.

— ... — Е Цинъян так и подмывало вцепиться в него зубами. Она вовсе не ребенок!

Е Ицин бросила на Е Цинъян мимолетный взгляд:

— А рана на животе?

— Рана тоже заживает отлично, еще пара дней — и можно выписываться домой на долечивание.

Услышав это, Е Цинъян чуть не подпрыгнула на кровати — она уже до смерти устала здесь сидеть, как же здорово вернуться домой!

Е Ицин холодно поблагодарила врача. Тот улыбнулся и уже собирался уходить, но у самой двери вдруг обернулся и добавил:

— Думаю, если ей будет чем заняться, ей не станет так скучно.

Только теперь до туго соображающей Е Цинъян дошло, в чем дело. Оказывается, мама подумала, что ее странное поведение вызвано каким-то недомоганием, и потому позвала врача на осмотр. Ей стало ужасно неловко.

Устроив такую нелепицу, Е Цинъян больше не смела строить из себя меланхоличку и вернулась к своей привычной неугомонной манере. Вот только Е Ицин ей этого не позволили.

Потому что теперь Е Цинъян предстояло читать книги и делать уроки прямо в палате. О боже, можете ли вы вообразить этот бесчеловечный кошмар?

Бросив взгляд на Е Ицин, которая снова проверяла документы на диване, Е Цинъян робко подала голос:

— Эм... мамик...

— ...

В тишине больничной палаты раздавался лишь шелест ручки Е Ицин, скользящей по бумаге.